

Надежда Моргунова

Анатомия одержимости

Надежда Моргунова
Анатомия одержимости

«Автор»

2026

Моргунова Н. И.

Анатомия одержимости / Н. И. Моргунова — «Автор», 2026

Эта книга — не исповедь. Не дневник. Не сборник рецептов, как выжить, когда всё рушится. Это — анатомический атлас. Вскрытие. Холодный, точный разрез той силы, которая одновременно убивает нас и заставляет жить. Что делать, когда твой дом сгорел? Когда ребёнок орёт в двадцати двух метрах, а ты мечтаешь о тишине, как о рае? Когда застройщик не ставит плиту, бывший муж пишет доносы, а человек по имени Андрюшка крадёт у тебя последнюю веру в людей? Можно лечь и умереть. Можно — запить. Можно — сорваться и возненавидеть себя навсегда. А можно — запеть. Эта книга о том, как боль превращается в музыку. Как шестьсот каверов спасают от сумасшествия. Как злость на продюсера становится топливом для возвращения в высшую лигу. Как одержимость домом, справедливостью и правдой переплавляется в трек «Я — вода», который звучит как выстрел. Это история женщины, которая сама себе внушила одержимость музыкой, чтобы не умереть. И она выжила. Не потому что сильная. А потому что не оставила себе выбора.

© Моргунова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Надежда Моргунова

Анатомия одержимости

Глава 1. Андрюшка и украденные шансы.

Андрюшка был инвалидом. Не с рождения — жизнь доломала его где-то на середине, когда он уже понял, что физический мир ему не по зубам, а ментальный — вполне. Он потерял ногу. Не на войне, не в аварии — просто гнила она у него, гнила, пока не отняли. Но вместе с ногой Андрюшка потерял не способность ходить, а способность бояться. Когда тебе отрезают кусок тела, ты либо становишься святым, либо — демоном. Андрюшка стал демоном.

Он был маленький, щуплый, с вечно слезящимися глазами и тихим, вкрадчивым голосом. Голос был его главным оружием. Он говорил так, будто гладил тебя по голове, будто знал о тебе что-то такое, чего ты сам о себе не знал. Гипноз? Нет, это слишком громкое слово. Андрюшка просто умел ждать. Он садился рядом, слушал, кивал, а потом — в нужный момент — вставлял слово. Одно. Два. И ты уже сам отдавал ему ключи от квартиры, пароль от карты, последнюю надежду.

Он жил в приютах. Не потому что был беден — он был нищ, но не беден. Беден тот, у кого нет ничего внутри. А у Андрюшки внутри была бездна. Он выбирал приюты, как другие выбирают отели: по отзывам, по расположению, по контингенту. Ему нужны были сломленные. Те, кто потерял дом, работу, семью. Те, кто ещё не сгорел до конца, но уже дымился. Он садился с ними за один стол, пил дешёвый чай из пластикового стакана и слушал. Он слушал так, как никто никогда их не слушал. И они открывались ему.

— Ты знаешь, — говорил он тихо, — я тоже потерял всё. Но я нашёл способ. Хочешь, расскажу?

И они хотели. Все хотели. Потому что когда ты на дне, тебе нужен кто-то, кто скажет: «Я знаю выход». Андрюшка знал. Только выход этот был не для них — для него.

Он брал у них деньги. Не просто так — «в долг», «на дело», «на билет в новую жизнь». Он обещал, что вернёт вдвойне. И они верили, потому что очень хотели верить. Потому что когда ты в приюте, вера — это единственное, что у тебя осталось. Андрюшка воровал именно её — последнюю веру в людей. А вместе с ней — последние шансы на имущество, на работу, на нормальную жизнь.

Он не был садистом. Он не наслаждался их болью. Он просто не чувствовал её. Для него люди были как банкоматы: вставляешь правильную комбинацию слов — получаешь наличные. Он изучил эту комбинацию до совершенства. Инвалид, который не мог ходить, но мог залезть в душу так глубоко, что ты сам выносишь ему всё, что у тебя было.

Я встретила его в апреле. В приюте. Я была там не потому что мне негде было жить — у меня была сестра, которая меня выгоняла. Я была там потому что мне некуда было идти. Разница тонкая, но Андрюшка её не заметил. Он видел только добычу. Он сел рядом, улыбнулся своей тихой, слезящейся улыбкой и сказал:

— Ты знаешь, я тоже потерял всё...

Я знала. Я знала этот голос. Я слышала его раньше — у застройщика, который обещал плитку. У мужа, который обещал любовь. У соседки, которая обещала не писать доносы. Все они говорили этим голосом. Голосом Андрюшки. Инвалида, который научился лучше всего ментально сводить с ума и жить за счёт чужих последних шансов.

И он ушёл, обиженный, как ребёнок, у которого отняли игрушку. А я осталась сидеть за столом и думать: сколько ещё таких «Андрюшек» встретится мне на пути? И скольких из них я смогу распознать до того, как они украдут у меня последнее?

Глава 2. Один, кто понимает.

Он говорил со мной как бог. Или как демон. Я так и не поняла до конца. Но он всегда говорил так, как надо.

Его звали Лёша. Или Саша. Или просто — Звук. Я никогда не называла его по имени, а он не обижался. Он вообще редко обижался. Он сидел в своей студии, заставленной синтезаторами и пустыми чашками из-под кофе, и слушал. Он слушал так, как никто никогда меня не слушал. Не для того, чтобы ответить. Не для того, чтобы осудить. А для того, чтобы услышать ту самую ноту, которая ещё не родилась, но уже болела где-то под сердцем.

Я пришла к нему после пожара. После того, как Андрюшка украл у меня последнюю веру в людей. Я была пустая, как консервная банка. Я не могла писать. Не могла петь. Не могла даже плакать — слёзы кончились где-то там, на пепелище, вместе с книгами и посудой.

— Я не могу, — сказала я. — Я больше не слышу музыку.

Он помолчал. Потом встал, подошёл к синтезатору и взял одну ноту. Одну. Простую, как гвоздь. И держал её, пока она не заполнила всю комнату, пока не завибрировала в моих костях, пока не стало ясно: вот она. Та самая. Та, которую я потеряла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.